

Алла Ларина

Случайная двойня
для БОССА

Алла Ларина

Случайная двойня для босса

«Автор»

2026

Ларина А.

Случайная двойня для босса / А. Ларина — «Автор», 2026

– Ты просто родишь нам ребёнка, – говорит мне новый владелец отеля, где я работаю. – Мне с моей будущей женой. Ты подходишь по всем параметрам. А я в ответ решу все твои проблемы. Это ведь твоим детям нужно дорогостоящее обследование? Его слова больно отзываются в груди. На глазах выступают слёзы. Моим детям... Печальная ирония в том, что мои дети – на самом деле наши с ним дети.

© Ларина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алла Ларина

Случайная двойня для босса

Глава 1

– Софья, ты сегодня обслуживаешь владельца отеля, – говорит мне управляющий. – Обслуживаешь по полному разряду, ты поняла?

– В смысле?.. То есть, весь вечер? – моргаю удивлённо, ставлю поднос с сервизом на тележку – я как раз забирала посуду для люкса из хранилища. – Он принимает гостей в номере?

Глеб Покровский, владелец сети отелей, куда входит и наш, прибыл к нам сегодня утром. Весь персонал ждал этого визита чуть не месяц, все с ног сбились.

Вообще-то я не против дополнительных подработок, всегда задерживаюсь, если нужно – это хорошо оплачивается, а деньги мне очень нужны... Но не совсем понятно, почему Роман Анатольевич так выразился.

Управляющий хмыкает, берёт меня за руку повыше локтя, понижает голос.

– Не изображай из себя дурочку. По полной – это значит, по полной. Делаешь то, что тебе скажут.

– Но... но... – я начинаю заикаться, до меня доходит, что именно мужчина имеет в виду. – Нет! Нет, извините, я не могу...

– Не дури, Софья, – качает головой Роман Анатольевич. – Иначе не только работу потеряешь, но и никогда больше ни в один отель не устроишься. Да и вообще в сферу обслуживания. Про чёрный список знаешь?

У меня ноги подкашиваются. Конечно, знаю. Не дай бог туда попасть... потом нормальную работу в принципе не найдёшь.

– Вот и делай, что сказано, – управляющий сразу подмечает мою реакцию. – Тебе для матери лекарство надо было импортное достать?

Киваю еле заметно, смаргиваю слёзы. Он и это знает...

– Будешь умницей, я договорюсь, и всё сделаем, поняла?

– Поняла, – шепчу пересохшими губами.

Очень хочется сбежать... Но как я появлюсь дома? У мамы агрессивная форма рака, у нас с ней никого больше нет, и если меня уволят...

Спустя час, как было велено, стою перед дверью люкса. На тележке рядом куча деликатесов, мне нужно сервировать стол, отработать ужин личной официанткой, а потом... потом делать, что сказано. Роман Анатольевич лично проверил все блюда, что-то вообще сам приносил – какой-то дорогой алкоголь, который хранится под его контролем.

Поднимаю трясущуюся руку и стучу в дверь.

– Ваш ужин, – говорю тихо, не поднимая глаз, когда створка открывается.

– Хорошо, – мужчина, отступивший от двери, даже не смотрит на меня, он параллельно разговаривает по телефону.

Проскальзываю внутрь, быстро накрываю стол скатертью, расставляю всё, что нужно. Покровский известен своим педантизмом. Всё должно быть по линейке, и сервировку нужно делать полную – никаких перепутанных ножей, вилок и бокалов. К счастью, с этим у меня проблем нет, проходила обучение в своё время. Вообще-то я мечтала заниматься гостиничным бизнесом, может, стать когда-то управляющей... но жизнь внесла свои коррективы. Мама заболела – и мне пришлось бросить учёбу и пойти работать.

Торопливо заканчиваю расставлять закуски и отхожу в сторону. Опускаю голову, чтобы лицо было поменьше видно. Но, похоже, боссу это абсолютно неинтересно. Он возвращается из

кабинета, закончив звонок, садится за стол, но теперь ставит перед собой ноутбук, на котором открыты какие-то графики и диаграммы.

Мне постепенно становится всё легче. Может быть, девушка ему и не понадобится? Может, это просто управляющий решил предугадать, так сказать, желания начальства – и ошибся?!

Алкоголь Покровский наливает себе сам, после того как, хмыкнув, оглядывает бутылку. Задумчиво делает один глоток, другой, слегка пожимает плечами. К концу ужина поллитровая бутылка пуста только на одну треть, то есть выпивает он немного. Я уже почти совсем успокоилась и даже позволяю себе исподтишка разглядывать мужчину. Когда ещё удастся посмотреть так близко на одного из списка Форбс. Не то чтобы меня это прямо сильно волновало... Но всё же.

Надо сказать, что, если бы не вся эта ситуация, в Покровского вполне можно было бы влюбиться с первого взгляда. Высокий, мускулистый, но не перекачанный, с небрежно уложенными густыми тёмными волосами и резкими, притягательными чертами лица... красота у него не слащавая, а по-настоящему мужская, цепляющая. Давлю вздох – такие мужчины и спутниц выбирают себе под стать.

Я уже убираю со стола опустевшую посуду, когда, вскинув глаза, случайно сталкиваюсь с мужчиной взглядом. И пугаюсь, как заяц, замираю, не в силах пошевелиться. Покровский выглядит... как-то странно! На впалых щеках проступивший сквозь лёгкую щетину лихорадочный румянец, глаза... в глазах словно пламя отражается.

– Глеб Евгеньевич, вы хорошо себя чувствуете? – вырывается у меня прежде, чем я успеваю сообразить, что не надо бы мне ничего спрашивать.

– Да, – он мотает головой, снова кидает на меня непонятный взгляд. – Или нет... ничего не понимаю, – произносит тихо, словно про себя.

– Может быть, вызвать врача?

Не хватало ещё, чтобы меня в чём-нибудь обвинили! А вдруг ему из-за еды плохо или ещё из-за чего-то?! Ох, мамочки!..

– Нет, врача не надо... – мужчина вдруг перехватывает мою руку, тянет к себе, тяжело дыша. – У меня температура?

А дальше я веду себя, как полная и беспросветная дура! Сказывается, видимо, что последние два года ухаживаю за больной мамой, некоторые действия выполняются на автомате.

Я просто кладу ладонь ему сбоку на лоб и висок, а потом тянусь и прикасаюсь к коже губами.

И чувствую, как мужские руки сильно сжимают мою талию.

Глава 2

– Температуры нет, – еле выдавливаю из себя, с трудом переводя дыхание.

– А мне почему-то кажется, что я весь горю, – раздаётся тихий голос, и мои губы сминают в нетерпеливом поцелуе.

Ох... Никогда я такого не чувствовала... Опыта у меня, конечно, маловато. Точнее сказать, совсем почти нет. Но как-то раньше поцелуи мне казались какими-то... слюнявыми. Не впечатляли, короче! А сейчас...

Такое ощущение, словно у меня ни одной косточки в теле не осталось, оно мягкое и податливое, словно пластилин. Эти поцелуи, эти руки заставляют забыть обо всём на свете.

Я не соображаю, как и в какой момент мужчина переносит меня в спальню. Слегка очухиваюсь, уже лёжа на постели. Забыв обо всём, что мне говорил управляющий, пытаюсь вскочить... убежать... спастись от этих непонятных ощущений, которые будят в моём теле смелые мужские прикосновения, но мне не дают.

Такое ощущение, что Покровский совершенно не владеет собой. Что он мне шепчет... господи, я краснею вся, от макушки до пяток. А потом... потом он просто рвёт на мне платье горничной. И дальше не останавливается уже ни на секунду.

Только одно его тормозит. Мой вскрик от боли.

Мужчина замирает, всматриваясь в моё лицо. Свет в спальне тусклый, одна-единственная слабая лампа в углу.

– Ты... ты что... – тон прерывистый, растерянный.

Всхлипнув, прикусываю губу, и на меня тут же набрасываются с очередным поцелуем, успокаивают, убеждают в чём-то, но я ничего не слышу и не понимаю. А Глеб словно просит прощения за что-то, интонации вроде бы виноватые, но голос дрожит от еле сдерживаемой страсти, движения убыстряются, становятся резче, сильнее, и мужчина в конце концов, вздрогнув всем телом, прижимается ко мне с долгим низким хриплым стоном.

Я не успеваю толком ничего почувствовать, когда понимаю, что он и не думает останавливаться. Только теперь всё его внимание направлено на меня.

Не знаю, сколько проходит времени. Ночь уже точно перевалила за половину, когда я отключаюсь в объятиях мужчины. Он всё-таки довёл меня до невменяемого состояния. Никогда не подозревала, что удовольствие может быть таким сильным...

Просьпаюсь я резко, по ощущениям – спустя совсем короткое время. За неплотно задёрнутыми шторами занимается рассвет. Покровский спит рядом, обхватив мою талию рукой. Приподнимаюсь, пытаюсь понять, что меня разбудило, и чуть не вскрикиваю. К счастью, успеваю зажать себе рот.

Дверь спальни приоткрыта, и я замечаю в проёме фигуру человека. Управляющий... Мужчина делает мне знак, явно требуя, чтобы я немедленно вышла к нему. С трудом, замирая от страха, что могу разбудить своего соседа, выползаю из кровати, подбираю с пола своё разорванное платье, заворачиваюсь в него.

– Молодец, сделала всё как надо, – встречает меня в гостиной люкса Роман Анатольевич, протягивает мне сменную униформу. – Я отвернусь, переоденься прямо сейчас и уходи. На работе не появляйся ближайшие два дня. Я позвоню тебе, когда можно будет прийти. Насчёт лекарства для матери тоже узнаю.

К горлу подкатывает тошнота. Такое ощущение, что этими словами управляющий просто опустил меня до уровня... обычной шлюхи.

Почему же опустил, горько ухмыляюсь про себя. Ты сама себя опустила на этот уровень, Софья. И можно сколько угодно убеждать себя, что выбора у тебя не было...

Не оглядываясь на дверь спальни и не глядя на действительно вставшего ко мне спиной управляющего, скидываю разорванную униформу, надеваю целую. Испорченное платье забирает у меня Роман Анатольевич, а я быстро выхожу из номера. Когда сворачиваю в боковой коридор, краем глаза замечаю у люкса какое-то движение, словно кто-то входит внутрь. Женщина? Следующая?

Мне становится совсем плохо. Чего я ещё не знаю? Может быть, у Покровского такие пристрастия и такой темперамент, что ему нужно по несколько женщин за ночь?.. Со мной у него силы как будто не кончались вообще. А управляющий в курсе, вот и угождает боссу.

Еле добираюсь до дома, все мышцы болят – кажется, даже те, о существовании которых я ещё вчера не подозревала.

– Соня, детка, это ты? – раздаётся из спальни слабый мамин голос, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не разреветься.

– Да, мамуль, это я, – отвечаю, стараясь, чтобы слова звучали спокойно.

– Ты поздно...

– Предложили дополнительно поработать, мам, не переживай. Зато теперь два выходных будет, – чувствую, что уже не могу, сейчас сорвусь. – Пойду в душ, очень устала.

– Конечно, милая, – мама замолкает, я знаю – это потому, что ей тяжело говорить, сильные боли. И не спит она именно из-за них.

Заползаю в ванную и, распустив воду по сильнее, разражаюсь рыданиями. Как я могла... в кого я превратилась...

А спустя два дня, которые я не живу, а существую, с трудом притворяюсь перед мамой, что всё в порядке, раздаётся звонок от управляющего.

– Ну что ж, Софья, – начинает Роман Анатольевич, – Покровский уехал, завтра можешь выходить на работу.

Я сжимаю в руках мобильный, борясь со слезами – в очередной не знаю какой по счёту раз за эти дни.

– Уехал? – спрашиваю тихо.

Почему я этим интересуюсь? Это вообще последнее, что должно меня волновать. Но мне не удаётся прогнать мысли о мужчине, которому я отдала свою невинность, о том, как он себя со мной вёл, о том, что он говорил... Ведь он понял, что был первым у меня. Неужели ему было наплевать? Неужели он не задал обо мне ни единого вопроса?

– Конечно, уехал, – хмыкает управляющий. – А ты что, рассчитывала, что он тебя искать будет?!

– Наоборот, я этого боялась, – вру первое, что пришло на язык.

– Нашла чего бояться, дурочка, – снисходительно тянет мужчина. – Такие, как Покровский, женщинами только пользуются. Ну ладно, ты девочка молодая, пока ещё не разобралась... неважно. На работу выходи, график сохраняется. Так, значит, что ещё я тебе хотел сказать...

– Лекарство, – говорю тихо, – лекарство для мамы...

– Ах, да, – в трубке шуршат какие-то бумажки. – Насчёт лекарства для твоей матери я договорился, скину тебе сообщением контакты врача, у него уточнишь.

– Спасибо, – голос у меня становится ещё тише.

Я очень хочу поблагодарить его искренне, но... не выходит. Потому что расплатилась я за так называемую «помощь» самым ужасным, каким только можно было, способом. Но теперь всё это уже неважно. Если маме поможет...

Контакты врача мне действительно приходят, и я тут же договариваюсь с ним о приёме. Сообщаю маме радостную новость, она слабо улыбается.

– Ох, дочка... Всё равно время упущено. Обуза я тебе...

– Не смей так говорить, мам! – всё-таки не сдерживаю слёз, хотя разреваться мне сейчас ничего не стоит.

– Прости, прости, – мама обнимает меня за плечи. – Скажи хоть, это кто ж нам так помог?
– Один мой знакомый... – говорю неопределённо.

Управляющего моего мама знает и не любит. Ни за что не поверит, что он просто так помог.

– Сонечка! – ахает мама. – Неужели у тебя кто-то наконец появился?!

– Мам, ну что ты говоришь... – начинаю было, а потом соображаю, что это будет идеальное объяснение. – Не то чтобы появился... – тяну медленно. – Просто, ну, это всё так неопределённо...

– Ладно, ладно, не рассказывай пока, – мама искренне улыбается, и мне даже становится легче, я так давно не видела у неё радостной улыбки. – Потом расскажешь или, может, познакомить соберёшься!

– Конечно, – улыбаюсь через силу.

Всё как будто более или менее устраивается. Кажется, никто на работе не заметил моего отсутствия в течение тех двух дней, когда приезжал Покровский. Мама начинает проходить очередной курс лечения, жизнь входит в постоянную колею, а потом...

Потом у меня сбивается цикл.

Я не сразу замечаю задержку. Очень много работы, да ещё маму нужно регулярно возить в больницу. Только когда чищу мобильный, который глючит из-за переполненной памяти, удаляю редко используемые приложения – и открываю то, в котором отмечаю даты.

Десять дней... Как я могла это пропустить?!

Ещё полчаса, которые требуются, чтобы дойти до аптеки и вернуться обратно – и вот я уже держу в трясущихся пальцах тест на беременность. С двумя яркими бордовыми полосками.

– Милая, у тебя всё в порядке? – за дверью ванной раздаётся мамин голос. – К тебе можно?

– Да, секунду! – сую тест в карман домашнего платья и распахиваю дверь.

– Что случилось, Сонечка? – мама смотрит на меня растерянно. – У тебя что-то болит?!

Ты же вся белая, даже губы побледнели!

– Нет, всё хорошо, не волнуйся, – голос трясётся, я и сама это слышу.

– Сонь, ты ведь врешь, – мама укоризненно качает головой. – Может, всё-таки скажешь? Я же переживаю, доченька, с тобой что-то непонятное творится в последнее время...

– Ох, мама... – из глаз начинают градом течь слёзы, и я достаю и протягиваю ей положительный тест.

Мама хватается за косяк, смотрит на полоску в моей руке, а потом поднимает на меня взгляд.

– Что же ты плачешь, Сонечка?! Это же счастье!

Спустя полчаса мы, наплакавшись теперь уже вместе, сидим на кухне.

– Дочка, а кто же отец? – спрашивает у меня мама. – Это тот мужчина, про которого ты упоминала? Который помог с лекарством?

– Мы почти сразу расстались, мам, – качаю головой. – Не вышло бы у нас ничего. Мы друг другу не пара.

– И всё-таки ты должна ему сказать. Не дело это, мужчина должен знать, что он станет отцом.

– Ему наплевать, – отвожу глаза.

– Ох, детка, откуда ты знаешь, – мама вздыхает.

Нет, эту тайну я унесу с собой в могилу. Мама не должна узнать, как низко я пала.

Мы молчим какое-то время. Не знаю, о чём думает мама, а я пытаюсь охватить сознанием объёмы надвигающихся на нас проблем. Избавляться от ребёнка я не буду, это даже не обсуждается. Да и мама такого просто не переживёт! Она, когда заболела, больше всего сокрушалась, что не доживёт до внуков. Но... как нам справиться со всем этим?

Главная проблема – моя работа. Сейчас у меня есть хоть какие-то гарантии, оформлена я по закону, но прекрасно понимаю, что работать в отеле, когда моя беременность станет заметна, я не смогу. Не дай бог кто-то – точнее, не просто кто-то, а Роман Анатольевич – поймёт, что я забеременела от Покровского! Страшно даже представить, что будет! Почему-то я уверена, что управляющему эта новость совершенно не понравится.

Но и устроиться на новое место в моём положении – тоже совершенно нереально! Перебираю разные варианты, пытаюсь найти какой-то выход из тупиковой ситуации, но ничего не получается. В какой-то момент от отчаяния даже думаю, может, и правда пойти к Покровскому? Останавливает меня только понимание – я ему не нужна от слова совсем, так же как и внебрачный ребёнок, и мне только грозят большие неприятности. Кто его знает, что он сделает, когда узнает о беременности? А если потребует, чтобы я пошла на аборт?!

Пока я мечусь, пытаюсь хоть что-то решить самостоятельно, всё начинает решаться, точнее, рушиться, без меня.

– Ты слышала, управляющий наш как поднялся-то?

– Ну так неудивительно, дочурка его подсуетила, нашептала главному о папочке.

– Ага, а ты хоть видела сама её?

– Да ничего там такого, не понимаю, на что Покровский так запал...

– Ну не знаю, не просто же так он её с собой увёз!

– Видно, мощно его вставило, – многозначительный смешок.

– И не говори!

Я приваливаюсь к стене. Случайно услышала разговор двух горничных. Две молодые девчонки, шепчась и смеясь, проходят мимо, кивнув мне. Киваю в ответ, стараясь держать лицо. Вот вроде я с ними одного возраста. А чувствую себя так, словно старше на целую вечность.

Вздыхнув, отлепляюсь от стены и стараюсь не думать о том, что только что услышала. Значит, Покровский встретил здесь дочь нашего управляющего. Влюбился и увёз её с собой, в столицу. Или не влюбился? Вспоминаю слова того же Романа Анатольевича. «Такие мужчины женщинами только пользуются». Что ж папа не защитил свою дочь от «пользования»? Или это касается только таких как я?

Сглатываю подкатившую к горлу тошноту и продолжаю работать. А утром следующего дня весь персонал собирают на короткое совещание. Роман Анатольевич действительно объявляет, что уходит на повышение в отель нашей же сети, но в Москву, и представляет нам своего сменщика.

Новый управляющий, Николай Борисович, сухопарый мужчина лет под пятьдесят с недовольно поджатыми губами, начинает с того, что обещает перестановки в коллективе. Мы все переглядываемся, потому что ничего хорошего от таких новостей ожидать не следует. И действительно, в ближайшие несколько дней кого-нибудь то и дело вызывают на собеседования, да ещё и увольняют нескольких человек, видимо, затеяв большую чистку среди персонала.

Не проходит и недели, как мне сообщают, что меня требует к себе новый управляющий. Подхожу к небольшому кабинету в одном из служебных коридоров первого этажа и не успеваю постучать в чуть приоткрытую дверь, как слышу:

– Софья может быть полезной.

Глава 3

Это говорит Роман Анатольевич. Он пока ещё не уехал, передаёт дела. Замираю, стараясь не дышать, прислушиваюсь.

– Девочка послушная, уволиться не может, мать у неё серьёзно больна. Так что можете взять на заметку. Мало ли что. Думаю, вы понимаете, о чём я.

– Вы же знаете политику Глеба Евгеньевича в этих вопросах, – голос нового управляющего звучит веско, многозначительно. – Постояльцы отеля не имеют права... м-м-м... настаивать на более близком общении с персоналом отеля. Я придерживаюсь того же мнения.

– Безусловно, – таким же тоном отвечает Роман Анатольевич, – как и я. Но, сами понимаете, постояльцы бывают разные.

– Это да, это да, – цокает языком его собеседник. – Иногда приходится идти людям навстречу. В конце концов, желание клиента – закон. Как говорит Глеб Евгеньевич.

– Вот именно. Кстати, насколько мне известно, сегодня у нас остановился постоянный клиент, который всегда весьма щедр, если все его пожелания исполняются.

Зажав себе рот рукой, пячусь назад. Нет... Нет, они ведь не это имеют в виду?! Не может такого быть...

Да почему не может, Софья? Сними уже розовые очки! Тебя один раз уже подложили под «клиента». Что мешает проверить это во второй раз?

Что мне делать?!

Если я сейчас сбегу – меня уволят. И это в лучшем случае. Но и работать здесь... Нет, я больше не смогу. А что, если...

Изо всей силы кусаю себе губы. Лицо у меня наверняка и без того бледное. Лезу рукой в стоящую поблизости вазу с цветами и мочу себе волосы на висках. Поправляю форму, наглухо застёгивая все пуговицы, даже верхнюю у самого горла, которую мы все держим расстёгнутой. И, постучав, захожу в кабинет.

– Софья? Присаживайтесь, – новый управляющий указывает мне на стул напротив, Роман Анатольевич как раз передаёт ему какую-то папку, кидает на меня быстрый взгляд и сразу же хмурится.

– Софья, вы что, больны?

– С утра всё было хорошо, – я, потупившись, разглядываю вытертый ковёр под своими ногами. – А полчаса назад у меня так разболелся живот... Простите, пожалуйста! Я уже выпила таблетку.

– А-а, – тянет Николай Борисович.

Они с Романом Анатольевичем обмениваются мимолётными и словно бы слегка разочарованными взглядами.

– Ну ладно, – кивает новый. – Так, Софья, я позвал вас, чтобы сообщить, что меня вполне устраивает ваша работа. Но, на мой взгляд, вы можете справляться с большей нагрузкой. Как насчёт того, чтобы добавить в ваш график несколько ночных смен? Разумеется, это будет оплачиваться. Мы ценим верных служащих.

– Я буду очень рада, – киваю, сдерживая внутреннюю дрожь.

Главное сейчас – не показать, что я что-то подозреваю. Нужно усыпить их бдительность, чтобы сегодня мне дали спокойно доработать. А дальше... дальше придётся решать.

– Ну и отлично, решено, – довольно кивает Николай Борисович. – На сегодня можете быть свободны. У вас до конца смены осталось полчаса, разрешаю вам уйти пораньше, раз вы себя не очень хорошо чувствуете.

– Спасибо вам огромное! – стараюсь, чтобы голос прозвучал максимально искренне. – Я обязательно отработаю! Завтра приду на полчаса раньше!

– Рад, рад, такое рвение весьма похвально, – довольно кивает управляющий и отпускает меня благосклонным кивком.

Медленно выхожу из кабинета и спокойным шагом, сдерживая себя, добираюсь до раздевалки персонала. Дня два-три меня не должны тронуть. Они явно поняли, что для «близкого общения» я сейчас не подхожу. Но вот потом...

Мозг у меня работает так, что, кажется, голова дымится. Быстро, стремительно просчитываю все возможные варианты. В итоге останавливаюсь на одном. Шансов немного, но попробовать стоит. И я еду в больницу, куда вот уже два года вожу маму.

– Вячеслав Игоревич, у меня к вам огромная просьба, – умоляюще складываю руки, глядя на мамино врача.

Этот онколог ведёт её с самого начала болезни. Мужчина в возрасте с добрым, располагающим к себе лицом и зачёсанными назад густыми седыми, почти белыми волосами. Он как-то сказал мне, что поседел чуть не в тридцать лет. Я ещё тогда подумала, неудивительно – при его-то профессии.

Мне невероятно повезло – Вячеслав Игоревич смог меня принять. Обычно к нему не пробиться, а сегодня накладку вышла какая-то.

– Рассказывайте, Софья, – врач кивает, продолжая параллельно заполнять какие-то бумаги. – Что-то с мамой?

– Не совсем, – мелкими глотками вдыхаю воздух.

Я толком не продумала свою идею. И понимаю, что Вячеславу Игоревичу придётся что-то рассказать. Может, и не всю правду... Но как минимум её часть.

– Я... хотела спросить вас... хотела попросить, можете ли вы выдать мне какой-то документ, доказывающий, что за моей мамой нужен регулярный присмотр, и поэтому я не могу работать?

Вячеслав Игоревич откладывает ручку и поднимает на меня глаза, в которых проскальзывает недоумение. Я понимаю его удивление. Мы живём на мамино пособие и мою зарплату. Он специально шёл мне навстречу и по возможности подстраивал мамины осмотры и приёмы под моё рабочее расписание, а тут я являюсь с такой просьбой.

– Есть такая справка, да, – медленно говорит онколог. – Стандартная форма. Но, Софья... состояние вашей мамы сейчас не требует постоянного нахождения рядом.

Вздыхаю с каким-то всхлипом, не удержавшись. Я ещё даже не была на приёме по поводу своей беременности, но уже почитала кое-что в интернете... Гормоны у меня шпарят будь здоров.

– Вячеслав Игоревич, – начинаю хрипло, – меня в отеле... мне хотят... я не знаю, как сказать, – делаю глубокий вдох и запрокидываю голову, пытаюсь удержать слёзы. – В общем, меня собираются использовать, чтобы предлагать тем, кто этого хочет... более тесное общение.

– Что-о?! – глаза врача чуть не вылезают из орбит. – Софья, с чего вы...

– Услышала, – опускаю голову и смотрю ему в глаза. – Случайно. Разговор управляющего. Они хотели прямо сегодня... Говорили про клиента. Мне удалось отвертеться, уйти. Но если я покажу, что знаю... если начну возражать... Меня внесут в чёрный список, это, знаете, такой закрытый список, к которому имеют доступ отели, некоторые рестораны, вообще организации из сферы обслуживания. Я потом работу не найду.

Слова льются из меня потоком, заставляю себя замолчать, смотрю на врача.

– Это какой-то идиотизм! – возмущается врач. – Неужели у вас нет службы безопасности или, я не знаю, профсоюза – кого-то, кто следит за такими вещами?!

– Пожалуйста, Вячеслав Игоревич, – закусываю губу. – С ними невозможно бороться. Никакие законные меры тут не помогут. Ну пойду я, допустим, в службу безопасности, а то и в полицию – и что дальше? У меня ничего нет, кроме слов. Никто мне не поверит.

Врач вздыхает. Его вспышка была бессмысленной, мы оба это понимаем.

– Эта справка, которую я вам дам, не гарантирует ничего, – говорит мужчина негромко.
– Это как больничный. Неделя, ну две. Что дальше?

– Мне придётся уехать, – опускаю голову. – Уволиться и уехать.

На самом деле, придётся уехать ещё и из-за беременности, но об этом я говорить не буду.

– А ваша мама? – качает головой онколог.

– Я... буду думать, как решить эту проблему, – сжимаю руки. – Сейчас мне просто нужно выиграть немного времени.

– Хорошо, – Вячеслав Игоревич кивает, быстро открывает ящик стола, роется там, достаёт самый обычный бланк, заполняет его, ставит свою личную печать. – Поставите ещё треугольную печать и печать больницы в регистратуре, – протягивает мне бумагу.

– Спасибо, – киваю ему с благодарностью.

– Зайдите ко мне через два дня, – задумчиво говорит врач. – Я... кое-что выясню и, возможно, смогу вам чем-то помочь.

– Вы уже помогли, – улыбаюсь ему. – Но спасибо огромное, конечно, я зайду.

Ставлю все нужные печати и еду домой. Ещё предстоит сообщить маме, что мне нужно... то ли сбежать, то ли искать другую работу, а может, и то и другое вместе. Но сначала придётся предъявить справку моему начальству и изобразить слёзное раскаяние, что я не смогу работать в ближайшие десять дней.

На следующий день я являюсь на работу даже не на полчаса, а на час раньше, чтобы поймать управляющего ещё до начала ежедневной текучки. Вот только меня с самого утра дико мутит. Еле смогла выпить несколько глотков чая, борясь с тошнотой. Неужели токсикоз начинается?!

Я уже иду по коридору к нужному мне кабинету, когда открывается дверь одного из рабочих помещений, смежных с кухней ресторана при отеле. Меня обволакивает запахами готовящейся еды, и я понимаю – всё!

Практически бегу к ближайшему служебному туалету – благо он недалеко, и меня выворачивает наизнанку. В желудке пусто, одни пустые спазмы, и от этого ещё хуже. Придя в себя, умываюсь, выхожу...

И натыкаюсь на Романа Анатольевича, подозрительно глядящего на меня.

Глава 4

– Софья, в чём дело? – его настороженность ещё усиливается, когда он замечает, как испуганно я замираю.

Делаю над собой усилие и улыбаюсь дрожащей улыбкой.

– Простите, Роман Анатольевич, это от волнения... ох, я так переживаю, вы себе не представляете! – прижимаю руки к щекам. – У меня сейчас такое творится!..

– Ты можешь мне рассказать, Софья, – недоверие из его глаз никуда не девается, но голос задушевный, он подходит чуть ближе. – Я же знаю, ты девочка благоразумная. И помогу, если тебе понадобится помощь, – говорит многозначительно.

– Мне так стыдно, – прикрывая глаза рукой. – Вы же... вы же... помните, ну, тот случай... Я сначала так испугалась! Подумала, что график сбился, и я могла... понимаете, могла... ну...

– Получить проблемы? – подсказывает мужчина, раздувая ноздри.

– Да, – мелко киваю. – А потом, слава богу, тест не показал и всё началось... ну я же говорила вчера, ох... извините, мне так стыдно. Это видимо из-за стресса... – всхлипываю, это мне сейчас ничего не стоит. – Понимаете, маме стало хуже.

– Вот как, – недовольно говорит Роман Анатольевич.

– Да, – умоляюще смотрю на него. – И мне придётся ухаживать за ней... Вы не думайте, я ничего просить у вас не буду! Но врач сказал, что... вот, даже справку мне выдал, велел отдать на работе.

– Пойдём к новому управляющему, – хмуро кивает мне мой собеседник. – Но должен сказать тебе, Софья, что это крайне некстати!

– Конечно, я понимаю! – глубоко вздыхаю.

Вот только Николаю Борисовичу словно немного не до нас. Он перебирает какие-то бумаги и выглядит нервным.

– Глеб Евгеньевич объявил, что планирует более глубокую проверку после результатов, которые ему пришли, – говорит бывшему управляющему, стоит только нам зайти в кабинет.

– Он собирается снова приехать? Так быстро?!

Я держусь за спиной Романа Анатольевича, и меня замечают не сразу.

– Вам что нужно? – спрашивает меня Николай Борисович почти грубо.

Видимо, информация о дополнительной проверке была не для моих ушей.

– Я вот справку принесла, – лепечу, кладя на стол листок. – Работать не смогу в ближайшее...

– Мне что, по-вашему, заняться нечем? – взрывается управляющий, не давая мне договорить. – Идите сами в бухгалтерию или ещё куда-то, за расчётом!

– Но...

– Она...

– Так, я сказал, сами! Роман Анатольевич, подпишите все документы, если нужно! И возвращайтесь, надо кое-что обсудить, – кивает Николай Борисович.

Я выношусь из кабинета, не веря своей удаче. Следом за мной выходит Роман Анатольевич. Мужчина явно о чём-то задумался, нервно потирает руки, но потом решительно кивает.

– Софья, думаю, вы понимаете, что в вашей ситуации работать нормально вы не сможете. А мы не сможем держать работника, который постоянно то на больничном, то где-то ещё... – смотрит на меня строго.

– Я понимаю, – киваю расстроено. – Но как же... Уволиться? А отработка? И мне ведь... выплаты какие-то положены. Может, получится не увольняться? – смотрю на мужчину неуверенно, тот хмурится.

– Полагаю, это невозможно, – качает головой. – Но... так уж и быть, я пойду вам навстречу, Софья. Уволим вас задним числом, и тогда я дам поручение бухгалтерии, они смогут оформить вам выплаты!

На меня бросают странный взгляд, и мне вдруг кажется, что бывший управляющий очень быстро изменил своё мнение и теперь ему нужно, чтобы я как можно быстрее уволилась. Но... чёрт с ним! Пусть оформляет, как угодно, главное, чтобы по закону.

– Спасибо вам огромное, Роман Анатольевич, – говорю совершенно не то, что думаю, но лучше мне поизображать из себя дурочку. – Вы мне так помогли! Я просто не знаю, как вас благодарить!

– Ну что ты, – мужчина снисходительно хмыкает, расслабляясь.

Похоже, ничего плохого насчёт меня он не подозревает. И я даже позволяю себе улыбнуться. Неужели выкрутилась?

Мы идём в бухгалтерию, где управляющий забирает у меня справку и документы, велит ждать. Видимо, у него с нашим бухгалтером свой разговор – но через полчаса мне, кроме паспорта, отдадут на руки трудовую книжку со всеми положенными отметками и обещают, что положенная сумма в течение трёх рабочих дней поступит на зарплатный счёт.

Из отеля я выхожу свободной и безработной. Но в моей ситуации это, можно сказать, везение. Во всяком случае, я решаю думать об этом именно так.

Мама, выслушав мой рассказ, решительно кивает. Я, конечно, не стала рассказывать ей все подробности, представила так, что после проверки меня хотели понизить в должности, поэтому оставаться на работе было бы совершенно бессмысленно.

– Ну и правильно, дочка, – обнимает меня мамуля. – Если Господь где-то закрывает дверь, то в другом месте он обязательно открывает окно! Справимся! Да и тебе таскать тяжеленные подносы и постельное бельё в твоём положении вредно! И вообще, раз уж у нас зашёл разговор... Кое-что я сказать тебе хотела.

– Что, мам? – улыбаюсь ей и обхватываю ладонями чашку с чаем.

– Ты, может быть, помнишь, тётка у меня была одинокая? – спрашивает мама. – Как её не стало, я в наследство вступала, там старая-престарая квартира в небольшом доме.

– Помню, – киваю, действительно вспомнив, что та мамина родственница жила в небольшом городке часах в трёх езды от нас.

– Так вот что я подумала, – мама смотрит на меня неуверенно. – Может, нам с тобой туда перебраться, а эту квартиру сдать? И деньги будут какие-никакие!

– Мам, а твоё лечение? – качаю головой.

– Там тоже есть больница поблизости, – мама пожимает плечами. – Они даже вроде как-то связаны с нашей, помнишь, мне говорили насчёт восстановления в медико-санаторной части? Это как раз там было.

– Надо поговорить с твоим врачом, – не спешу соглашаться, тут же вспомнив, что Вячеслав Игоревич просил меня зайти к нему через два дня.

Но всё решается даже быстрее, чем я думала, чередой каких-то невероятных совпадений. В такие моменты действительно можно поверить, что там, наверху, кто-то есть!

Спустя два дня Вячеслав Игоревич, довольно блестя глазами, сообщает мне, что он может порекомендовать меня на должность секретаря в больницу... именно в том городке, о котором говорили мы с мамой! И спустя неделю мы переезжаем!

Когда едем на рейсовом автобусе, проезжаем мимо отеля, и я замечаю на парковке несколько сияющих чёрных машин. Видимо, Покровский всё-таки приехал снова...

Откидываюсь на сиденье. Я оставила эту часть жизни позади, но не могу не думать, что в эту самую минуту делает мужчина, ставший не только моим первым, но и отцом моего ребёнка...

Глеб

– Милый, ты же не против, я поеду к родителям сегодня?

В кабинет управляющего, который я потребовал себе для работы, заглядывает моя... невеста. Будущая. Я до сих пор не могу привыкнуть и называть её так, слово какое-то чужое, как новый костюм, который ещё не разносил.

– Папа спрашивает, согласишься ли ты прийти на ужин? – Алина входит внутрь, накручивает на пальчик светлую прядь, привычным движением чуть подаётся вперёд, подставляя лицо под мой взгляд. Она всегда разворачивается ко мне выгодным ракурсом, будто в комнате постоянно включена невидимая камера.

– Пока не знаю, – опускаю взгляд на документы. – Я занят. Позже.

– Хорошо, милый, конечно, – она улыбается, кивает и тут же выходит, оставляя меня одного. Дверь мягко притворяется, в кабинете снова становится тихо и слишком просторно.

Мне бы порадоваться. Спокойная, услужливая, ни на что не обижается... идеальный выбор с точки зрения логики и бизнеса. Дочь надёжного партнёра, красивая картинка рядом, ровный характер. Любой нормальный человек на моём месте сказал бы себе: «Успокойся. Тебе повезло».

Но что-то царапает. Какой-то червячок грызёт и мучает, не давая спокойно жить. Не просто абстрактное сомнение, а конкретное ощущение: где-то в системе координат, которую я много лет выстраивал вокруг себя, образовалась дыра. Белое пятно в собственной памяти.

Подтягиваю к себе список сотрудников. Не знаю, что я надеюсь там найти. Я вообще не должен заниматься подобным: у меня есть служба персонала, кадровики, электронные базы. Но пальцы сами тянут к себе распечатку, и я уже скольжу взглядом по строчкам: фамилии, должности, графики смен.

Потому что той ночью со мной явно была Алина. Думать по-другому – верный путь, чтобы свихнуться. Так мне твердят все вокруг: Роман, Алина, здравый смысл. На видеозаписи, которую я уже пересматривал, – форма горничной, похожая фигура, волосы. Всё сходится.

Кроме того, как я себя чувствовал.

Кроме того, каким обрывочным, рваным, нереальным получился весь вечер.

Нормальный человек списал бы это на алкоголь, усталость после перелёта, эмоциональное перенапряжение. Я и списал. Почти. Но сейчас вместо того, чтобы заняться отчётами, я упорно и методично начинаю проглядывать личные дела, пытаюсь найти... призрак. Нечёткий силуэт, который упрямо всплывает в голове – горячая кожа, тихий, срывающийся шёпот у самого уха, запах не Алининых духов.

Прошу принести папки по тем, кто работал в тот вечер на моём этаже. Горничные, обслуживающий персонал, те, кто мог физически появиться у дверей моего люкса. Папки ложатся на стол аккуратной стопкой – плотный картон, пластиковые файлы, анкеты, копии паспортов, фотографии.

Я отбрасываю мужчин, тех, кто был в отдыхе, тех, у кого смена заканчивалась задолго до вечера. Остаются молодые женщины. Ночной или вечерний график, доступ к VIP-номерам. Под мои требования, если так можно выразиться, попадает пятёрка.

И замираю над одной из папок.

Фамилия ничего мне не говорит. Обычная. Имя – тоже. Вроде бы ничем она не отличается от остальных. И фото к личному делу прикреплено... хоть и цветное, но как на документы, по такому ничего не понятно. Лицо в анфас, без эмоций, стандартный фон. Ну волосы светлые, чёлка опять же. Фотография может быть и старой. Сейчас цвет волос поменять – дело пары часов.

Читаю строчки анкеты: возраст, образование, дата приёма, адрес общежития, никаких выговоров, один благодарственный лист за аккуратность и вежливость. Никаких зацепок. Никакого «ага, вот же оно».

И всё же взгляд цепляется. Не за текст, за пустоту между строками. Почему-то хочется представить, как она двигается, как говорит, как смотрит. В памяти всплывает чужое хриплое «пожалуйста» в полутьме, и я раздражённо щёлкаю языком – хватит.

Машинально откладываю папку в сторону, продолжая поиски. Логика требует статистики, а не фантазий. Среди обслуживающего персонала много молодых девчонок. Если отбросить тех, кто точно не подходил по росту, графику или отделу, под мои внутренние требования попадают пять.

Смотрю на невысокую стопку личных дел. Что за каша у меня в голове, спрашивается? Зачем мне всё это? Я уже пообещал Роману, уже сделал предложение его дочери, уже вписал в планы этого ребёнка, ещё даже не появившегося на свет. Всё выстроено, как надо.

После повторного изучения папок остаётся четыре. Одна из девушек уволилась и, судя по дате, уже месяц назад. Не совсем ясно, почему тогда документы оказались у меня, но мало ли... В архив, скорее всего, не успели отнести. Самый удобный вариант – списать всё на неё: ушла, недоступна, вопросов не задашь. Удобный – и именно поэтому раздражающий.

Вызываю к себе нового управляющего и велю под любым предлогом вызвать отобранных мной девушек и выдать им какое-нибудь поручение, требующее от них какое-то время находиться рядом со мной. Причём сделать это так, чтобы оно выглядело естественно. Никаких специальных допросов – просто работа.

– Глеб Евгеньевич, я... немного в растерянности, – управляющий мнётся у двери, тербит край папки. – Есть какая-то причина, по которой?.. Девушки что-то натворили?!

– Нет, – качаю головой, – хочу оценить работу персонала в стрессовых условиях, – выдаю с ходу только что выдуманную причину.

Николай на секунду теряется, но тут же кивает. Большинству моих служащих прекрасно известно, что я слежу за своим бизнесом и использую разные методики в работе, причём проверить могу любого, от самого низшего звена до члена совета директоров. Сказать, что это новый формат внутреннего аудита, – и вопросов не останется.

В итоге со всеми четырьмя девушками я так или иначе встречаюсь до вечера.

Первая приносит кофе в кабинет вместо секретаря: невысокая, с ярко накрашенными губами, смотрит снизу вверх, откровенно кокетничает. Чуть дольше, чем нужно, держит в руках поднос, интересуется, как мне нравится их отель, не слишком ли шумно под окнами. Голос выше, чем у той, другой, и смех резкий, звенящий. Не она.

Вторая попадает в коридоре, когда я прошу показать свободный номер для потенциальных партнёров. Высокая, сухоощавая, с тёмно-русыми волосами, собранными в строгий хвост. Держится прямо, говорит исключительно по делу, слишком уверенно и жёстко. Её вряд ли с кем-то спутаешь.

Третью смотрю из дверей лифта, пока она возится с тележкой. Светлые волосы, почти подходящий рост. Я задерживаюсь рядом под предлогом какого-то вопроса, слушаю, как она отвечает. Руки дрожат так, словно она боится меня до обморока. Слишком боится. Та, другая, боялась тоже – но вместе со страхом в ней было упрямство, какое-то странное достоинство.

Четвёртая появляется уже ближе к ночи, когда я спускаюсь проверить холл. Её поставили в помощь на ресепшен, она нервничает, путается в документах, извиняется за каждую заминку. Темноволосая, глаза карие. Она никак не откликается в моей памяти: ни одной знакомой детали, ни запаха, ни интонации.

Приглядываюсь, анализирую поведение и... облегчённо выдыхаю. То есть, мне кажется, что облегчённо. Никто из них даже близко не походит на ту, которая случайно оказалась в моей постели.

Для собственного успокоения ещё раз пересматриваю записи с камер наблюдения в коридоре, куда выходила дверь люкса, в котором я останавливался. Перематываю туда-сюда, замед-

ляю, всматриваюсь в каждый пиксель. В номер заходила одна-единственная девушка в форме горничной. Алина.

Моя теперь уже невеста и будущая мать моего ребёнка.

Глава 5

Софья

Два с половиной года спустя

– София Константиновна, вас главный просил зайти! – меня окликает одна из сотрудниц, заглянувшая в комнатку за ресепшен, куда я забежала на пару минут выпить чаю.

– Бегу, Марина! – торопливо, чуть не обжёгшись, делаю пару глотков и отставляю чашку.

День сегодня суматошный. Надо ждать на заселение целую делегацию врачей, которая приезжает на какой-то съезд, или форум, или как там у них называется... Наш отель ближайший к больнице, достаточно комфортный и не слишком дорогой, поэтому здесь частенько останавливаются не только врачи, но и родственники пациентов, да и сами пациенты, бывает, тоже.

Когда мы с мамой только приехали сюда, мне казалось, что это какой-то богом забытый провинциальный городок. А оказалось, что больница здесь – не просто больница, а огромный многопрофильный центр, специализирующийся в том числе на лечении бесплодия. Поблизости от города много лет назад были обнаружены целебные источники с уникальным составом воды, так что лечение было не только с помощью операций и медикаментов, но и практически санаторно-курортное.

Спасибо всё тому же Вячеславу Игоревичу, мамину онкологу. Он, используя какие-то свои связи, сначала устроил меня секретарём в больницу...

Первый день в этом онкоцентре до сих пор стоит перед глазами так ясно, будто прошёл вчера, а не несколько лет назад.

Мы с мамой вылезаем из рейсового автобуса, я – с трудом сдерживая тошноту, меня дико укачало – или это уже токсикоз? Мама опирается на палочку, у неё в последние дни начали сильно болеть ноги, и упрямо сжимает челюсть, но в глазах волнение.

– Соня, вдруг тут хуже, чем дома было, – шепчет, пока я тащусь к главному входу. – Я же хоть к врачам своим привыкла...

– Мам, – сдерживаю свой страх и напряжение, – хуже, чем было, уже вряд ли будет. Тут и источники, и оборудование, и специалисты. И Вячеслав Игоревич просто так бы нас сюда не отправил.

Внутри пахнет хлоркой и чем-то ещё – смесью кофе и лекарств. Я чувствую себя маленькой и одновременно чудовищно ответственной: за маму, за двоих детей внутри, за то, чтобы всё это вообще как-то работало.

Для меня оказался шоком тот факт, что я беременна двойней. Мы с мамой обе были испуганы. Но и одновременно счастливы – это ведь подумать только, сразу двое! Правда, пришлось сразу поставить в известность мамин онколог, который меня рекомендовал. Не могла я врать о таком...

– Софья, – улыбается высокий мужчина в белом халате, тот самый заведующий отделением, к которому меня пристроил Вячеслав Игоревич. – Алексей Викторович. Мы с вами по телефону разговаривали.

Киваю, сжимая ручку сумки так, что пальцы немеют.

– Я вас проведу, – он говорит это так буднично, словно беременные секретари и тяжёлые онкобольные мамы у него каждый день партиями. – Маме оформим госпитализацию, а вы пока устройтесь у нас на ресепшен отделения. Работа несложная, но важная.

Мама морщится:

– Я что, теперь ещё и дочке мешаю работать?

– Вы никому не будете мешать, не переживайте так, – мягко отвечает врач.

Я вдруг понимаю, что готова разреваться прямо посреди коридора, с его линолеумом, лампами дневного света и длинной очередью людей, пытающихся ухватиться за любую

надежду. Но сдерживаюсь, напомнив себе: на меня надеются трое! Мама и два малыша у меня в животе!

Через пару недель всё входит в какой-то странный режим. Утром я помогаю маме – умыться, дойти до процедурного, потом бегу за стойку, поднимаю трубки, печатаю направления, оформляю выписки. Токсикоз вроде бы прекращается, словно мой организм привыкает к этому ритму. Иногда, глядя в окно на заснеженный парк с табличкой «К источникам», мне кажется, что мы попали в другой мир – со своими законами, расписаниями, запахами, где время измеряется курсами химиотерапии и результатами анализов.

Время течёт медленно – и стремительно одновременно.

– У вас хорошо получается, – однажды говорит Алексей Викторович, забирая у меня стопку историй болезни. – И с документами, и с людьми.

Я киваю, поглаживаю ладонью уже заметный живот, где кто-то сильно пихается в ответ.

Дети тоже, видимо, согласны.

Маме становится чуть легче, мне уже пообещали, что отпустят в декрет и даже оформят все выплаты, но доходить до нужного срока я не успеваю.

Всё летит к чёрту за одну ночь.

Схватки начинаются не слишком сильно, я сначала вообще думаю, что это очередные тренировочные, которых в последние недели хоть отбавляй. Но к утру я уже цепляюсь пальцами за металлические бортики кровати и понимаю, что нет, это всерьёз.

– Соня, дыхание, – повторяет над ухом акушерка. – Вдох... выдох... умница.

Вдохнуть получается, а выдохнуть – не очень. Всё расплывается, словно на старом экране. Я успеваю только подумать, что сейчас, видимо, познакомлюсь с детьми, а дальше... как получится.

Первые крики слышу будто издалека.

Сначала один.

Потом второй.

– Точнее, вторая, – кто-то там вдалеке смеётся. – Мальчик и девочка. Золотая двойня!

Я пытаюсь поднять голову, но мир вдруг качается. Звук сирены, быстрые шаги, короткие команды. Холодное железо под ладонями.

– Давление падает.

– Кровотечение...

Мне кажется, что я ухожу куда-то вниз, в темноту, и единственное, за что цепляюсь – мысль о том, что я должна выжить. Должна. Должна... они на меня надеются. Все они.

Когда я открываю глаза, потолок белый, ровный, рядом плачет монитор, а в горле сухо. Шевелиться получается с трудом, словно я вдруг стала весить раза в три больше. На соседнем стуле сидит мама. Бледная, без платка, но с сияющими глазами.

– Сонечка... – шепчет, накрывая мою руку своей. – Очнулась! Слава богу! Сонечка, они такие... маленькие, крошечные... но с ними всё хорошо! Всё будет хорошо, я уверена!

Я улыбаюсь, хотя по лицу течёт что-то горячее.

Мне ещё не скоро покажут моих крошечных детей – сначала через стекло, в кувезах, под проводами и датчиками, потом на руках, по очереди, чтобы не переутомить. Я буду учиться держать каждого так, чтобы не дрожали руки, и слушать, как врачи произносят про риски недоношенности, про постоянное наблюдение, но добавляют главное:

– Шанс есть. И шанс хороший.

И когда спустя время я буду отрабатывать смену администратора в гостинице, а потом – бегать между ресепшеном и детским садом с двумя непоседами на буксире, я буду помнить этот день. И то, что мы уже однажды вытащили их из небытия – вместе с врачами, в этом провинциальном городке, который стал нашим приютом.

Уже через неделю двойняшкам исполняется два года!

И мама успела поддержать внуков на руках...

Идя к управляющему отелем, грустно улыбаюсь своим мыслям. Мамули не стало полгода назад. Рак всё-таки взял своё.

После маминой смерти я долго не могла прийти в себя. Спасали дети... и работа. За те почти шесть месяцев, что я проработала в больнице, у меня, несмотря на беременность, получилось очень хорошо зарекомендовать себя. И по рекомендации моего начальника, заведующего одним из отделений, меня взяли в отель, где управляющим был его зять. Сначала на должность администратора на ресепшен, а месяц назад даже повысили до менеджера службы приёма – я отслеживала бронирования и регистрации, под моим началом находилась вся служба консьержа.

– Марк Абрамович, вызывали? – заглядываю в кабинет управляющего после стука и глухого «войдите».

– Да, да, София Константиновна, – кивает мне мужчина. – Вы мне нужны вот по какому вопросу. К завтрашнему дню требуется освободить и подготовить люкс высшей категории.

– Но... на этот номер бронь на две недели вперёд, – теряюсь от такого требования. – У нас трое постояльцев должны смениться только в ближайшие шесть дней!

– Я знаю, – управляющий вздыхает. – Сонь, придётся как-то разрулить этот вопрос. Люкс нужен для особого гостя.

У нас с Марком сложились действительно неплохие отношения, что для меня большая удача – я случайно подружилась с его женой, когда та лежала на сохранении, поэтому иногда на работе, когда нас никто не слышит, мы можем переходить друг с другом на ты.

– Что за гость такой? – уточняю недоверчиво, и чуть не падаю, услышав ответ:

– Глеб Евгеньевич Покровский.

– Что?! – вцепляюсь руками в спинку стула, перед которым стою.

– Да-да, тот самый Покровский, – мужчина кивает. – Владелец сети отелей международного класса.

«И отец моих детей», – договариваю про себя.

– Но... что ему здесь нужно? – понимаю, что это вопрос, который я вообще-то не имею права задавать (какое моё дело, как говорится), но, похоже, Марк в таких же растрёпанных чувствах, как и я, потому что отвечает:

– Если б я знал, Сонь... Но выбора у нас нет. Накрути хвосты девчонкам на ресепшен и кровь из носу подготовь мне люкс.

– Ясно, – киваю и на негнущихся ногах выхожу от управляющего.

Бросает в пот только от одной мысли, что Покровский может меня узнать. Поэтому на следующий день, разобравшись с делами и текучкой, я прячусь у себя в крошечном кабинетике, надеясь, что всё пройдёт гладко и без моего участия.

Вот только очень быстро тишину кабинета нарушает звонок стационарного телефона, установленного для внутренней связи по отелю.

Глава 6

– София Константиновна, могу я попросить вас подойти? У нас вопрос с клиентом, – это звонит Неля, одна из девочек-администраторов с ресепшен.

– Что-то с люксом? – спрашиваю, замирая.

– Нет, – растерянно отвечает Неля. – Тут один врач из делегации просит разобраться с номером... у нас почему-то не отмечено бронирование...

– А, хорошо, конечно, сейчас приду, – облегчённо выдыхаю и торопливо выхожу из кабинета.

– Это форменное безобразие, – встречает меня недовольный мужчина. – Я бронировал номер практически одновременно с коллегами из делегации, у меня есть подтверждение, а ваша система показывает, что брони нет!

– Я прошу прощения за этот инцидент, – задействую всё своё обаяние и, улыбнувшись, показываю рукой на рабочий стол немного в стороне, – пройдёмте со мной, я сейчас постараюсь решить вопрос.

Нужно увести его от ресепшен, а то другие гости, которых прибыло уже довольно много, начнут тоже возмущаться, что им не дают заселиться. На секунду мне кажется, что за мной следит чей-то внимательный взгляд, но я, встряхнувшись, отмечаю лишние сейчас ощущения.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – показываю клиенту на небольшое, но вполне удобное кресло, сама сажусь за стол, открываю систему бронирования.

Быстро проверив данные паспорта, убеждаюсь, что косяк действительно есть. Чёрт, именно сейчас, когда отель переполнен, да ещё и Покровский должен приехать с минуты на минуту! Ладно, есть выход. Делегация пробудет здесь, слава богу, всего два дня, поэтому дам ему номер, который обычно закреплён за нашим управляющим. Вроде бы Марк никому его не обещал, он обычно заранее говорит мне об этом, чтобы я была в курсе. Надо только будет предупредить его.

– Ещё раз прошу прощения, что заставила вас ждать, – поднимаю глаза на врача, – видимо, произошёл небольшой сбой в системе бронирования. Такое случается. Но мы, разумеется, предоставим вам номер – и выше классом, это будет категория «комфорт плюс». Конечно, разницу в стоимости отель возместит. И простите, пожалуйста, за доставленные неудобства.

Мужчина уже успокоился и довольно улыбается. Улыбаюсь ему тоже и отвлекаюсь на систему, чтобы распечатать все необходимые документы. А когда во второй раз поднимаю глаза, замечаю, что врач смотрит на меня с каким-то интересом...

Ох, нет. Только этого мне не хватало. Время от времени с клиентами такое случается. Ладно, главное – не реагировать. Для большинства этого достаточно.

– Прошу вас, – отдаю ему бумаги. – Нужно поставить подпись здесь и здесь. Позвольте ещё раз ваш паспорт, чтобы сделать ксерокопию.

– Все страницы собираетесь копировать? – весело спрашивает... Олег Алексеевич, судя по его документам.

– Нет, только ту, где фото, – качаю головой.

– Жаль, – он ещё раз окидывает меня откровенным взглядом. – А то вы бы увидели, что у меня нет отметок ни о браке, ни о разводе. Абсолютно, я бы даже сказал, девственно чист, – ухмыляется мужчина.

Реагирую на это нейтральной улыбкой и отдаю ему паспорт.

– Ваш номер двести третий, на втором этаже, – говорю всё так же вежливо, но уже чуть холоднее. – Надеюсь, вы хорошо проведёте у нас время, удачи на... форуме, – запнувшись, всё же вспоминаю, что там будет проходить в больнице.

– Спасибо, – врач кивает и поднимается, всё так же глядя на меня. – Но я был бы более уверен в том, что хорошо проведу время, если бы вы согласились поужинать со мной!

– К сожалению, это абсолютно невозможно, – качаю головой и взмахом руки привлекаю внимание портье.

– Добрый день, вам помочь с чемоданом? – Игорь, студент, который подрабатывает у нас летом, на несколько секунд отвлекает на себя внимание клиента, я успеваю переместиться за стойку ресепшен и тут же подзываю к себе следующего прибывшего. Нужно помочь девочкам побыстрее расселить людей по номерам.

Краем глаза слежу за Олегом, который, увидев, что я сбежала, насмешливо хмыкает и качает головой, а потом, подхватив свои вещи, идёт к лифту. Сдерживаю вздох. И почему мне кажется, что этот товарищ будет более настойчив, чем другие, желавшие провести со мной вечер?

– Следующий, подходите, пожалуйста! – поднимаю глаза и улыбаюсь, но улыбка тут же замирает у меня на губах.

Возле стойки стоит Покровский.

Все звуки словно затихают, только в ушах у меня грохочет пульс.

Дыхание перехватывает. Он почти не изменился за эти годы.

И, о господи... Как мои дети похожи на него!

Мысль о детях заставляет прийти в себя.

С силой прикусываю щёку, заставляя мозги вернуться в рабочее русло.

– Добрый день, Глеб Евгеньевич, – говорю негромко, и брови у мужчины ползут вверх, а взгляд становится острым.

– Мы знакомы? – спрашивает Покровский, а я мысленно ругаю себя последними словами.

Идиотка! Зачем, спрашивается, вылезла?! Надо было отнестись к нему, как к любому другому клиенту, а ты...

– Кто же в гостиничном бизнесе не знает Глеба Евгеньевича Покровского, – пытаюсь сгладить неловкость. – Вы практически легенда.

Покровский выглядит как-то странно, и мне кажется, что он недоволен.

– Прошу прощения за неуместность этого выражения, – произношу тихо. – Ваш номер уже готов. Для нас большая честь, что вы выбрали наш отель.

– Глеб? – раздаётся высокий женский голос, и к мужчине подходит девушка.

И вот тут-то я всё-таки хватаю ртом воздух и закашливаюсь, замечая, как взгляд Покровского переходит с меня на неё, а потом снова возвращается ко мне. И выражение его лица становится каким-то странным.

Неудивительно! У меня на секунду возникает чувство, словно я смотрю на себя в зеркало.

Глава 7

Правда, когда спустя пару секунд первый шок проходит, я понимаю, что никакие мы не отражения. У меня светлые, немного блёклые волосы, а у девушки напротив – шикарный холодный блонд, явно из дорогого салона. И глаза у нас совсем разные, мои светло-голубые, а у неё карие... не говоря уж об общем впечатлении. Мне до такой ухоженности далеко.

– Глеб, наш номер что, ещё не готов? – девушка, в последний раз смерив меня взглядом, поворачивается к Покровскому. – Я устала и хочу отдохнуть!

– Всё готово, – повторяю негромко, больше для мужчины, потому что девушка меня игнорирует. – Позвольте, я...

Хочу сказать, что провожу их к номеру, но тут же прикусываю язык. Почему-то мне кажется, что это будет выглядеть так, словно я навязываюсь! Хотя ничего такого в этом, вообще-то, нет, это обычная практика, особенно с такими высокопоставленными гостями.

– ...вызову носильщика, – продолжаю быстро, заполняя неловкую паузу. – Вам нужна помощь с вещами?

– Ну разумеется, – девица фыркает. – Что за сервис тут...

– Нет, спасибо, – прерывает её Покровский. – Алина, вот твоя карта, иди.

Алина надувается, забирает у мужчины одну из двух карт-ключей, которые я уже выложила на стойку ресепшен, бросает в мою сторону неприязненный взгляд и шествует – по-другому и не скажешь! – к лифту.

М-да. Вот это каблуки, я бы на таких и пяти минут не продержалась!

Покровский бросает на меня ещё один внимательный взгляд и идёт следом за своей... наверное, уже женой? Ведь она стала его невестой ещё тогда, два с лишним, почти три года назад.

Осторожно выдыхаю, стараясь делать это незаметно, и расслабляюсь. Рядом с этим мужчиной у меня сердце замирает... от страха, конечно же от страха... что он меня узнает. Но судя по его невесте, Покровский просто предпочитает девушек определённого типа, так что вряд ли ему придёт что-то в голову насчёт меня.

Успокоив себя этими мыслями, ухожу к себе в кабинет и продолжаю работать, пока на мобильном не раздаётся звонок из детского сада. Мне повезло устроить моих двойняшек в частный, так называемый «квартирный» садик – в государственный их бы не взяли так рано. Конечно, на его оплату уходит львиная доля моего дохода, но зато дети накормлены и под присмотром. Владелица и одновременно главная воспитательница в этом саду – очень милая женщина, обожающая малышей, с которой у нас сложились неплохие отношения.

– Да, Валентина Николаевна! – отвечаю на звонок, прижимая мобильный ухом к плечу и параллельно проверяя в системе данные по бронированиям. – Что-то случилось?

– Сонечка, не хочу вас пугать, но дети сегодня какие-то вялые, – голос воспитательницы звучит немного встревоженно. – Температуру я померила на всякий случай, всё в норме, но Машенька всё время пытается прилечь на диване, а Мишутка почти ничего не съел на полдник!

Чтобы мой сын отказался от еды, а шепутная дочурка хотела полежать?!

– Я поняла, – быстро закрываю систему и встаю. – Спасибо, что позвонили! Я постараюсь забрать их пораньше сегодня...

Кидаю взгляд на часы и расстроено качаю головой. Чёрт побери, до конца рабочего дня полтора часа! Сегодня ещё предстоят поздние заселения, и никакое хорошее отношение управляющего мне не поможет, я должна быть на рабочем месте. Можно, конечно, попробовать... Я стараюсь отпрашиваться у Марка только в крайних случаях, а болезнь детей – это всегда форс-мажор.

– Валентина Николаевна, я сейчас схожу к управляющему и попробую попросить его, – говорю торопливо, лезу под стол за сумкой. – Хорошо, что температуры нет и тошноты... – вздыхаю, вспомнив, как совсем недавно двойняшки словили ротавирус, намучилась я с ними тогда. – Вы скажите им, что мама постарается скоро прийти!

Выпрямляюсь и, ахнув, чуть было не выпускаю телефон из враз ослабевших пальцев. Потому что прямо возле моего стола стоит Покровский. И смотрит на меня, прищурившись.

Глеб

– Лучше бы мы вместе съездили на какой-нибудь курорт, – Алина с недовольством оглядывает вполне неплохой для отеля такого уровня номер люкс. – Доктор говорил, что мне надо сменить обстановку! Перестать так сильно задумываться о беременности и просто попробовать отдохнуть и насладиться жизнью!

– Тот доктор, у которого диплом по аюрведе, или как там называется эта хрень, и который за три месяца не назначил тебе ни одного вменяемого анализа?! – бросаю Алине. – Чтоб я больше не слышал об этом!

– Да, дорогой, конечно, прости, – моя... невеста тут же опускает глаза.

До сих пор невеста. Могла бы уже стать женой, но... Стараюсь не вспоминать, что произошло почти три года назад. Тогда в моём бизнесе наметилось несколько нехороших тенденций, я был на нервах, Алина из-за меня тоже, и... она потеряла ребёнка. Чтобы не ставить семью под удар, я отложил свадьбу на то время, которое требовалось для решения проблем. Тем более что без беременности срочности в этом никакой не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.